

25. Фролов Э.Д. Факел Прометея. Очерки античной общественной мысли / Э.Д. Фролов. – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1981. – 160 с.
26. Чичерин Б. История политических учений / Б. Чичерин. – Ч.1. : Древность и средние века. – М., 1869. – 444 с.
27. Шталь И.В. Художественный мир гомеровского эпоса / И.В. Шталь. – М. : Наука, 1983. – 296 с.
28. Fornara C.W. The Nature of History in Ancient Greece and Rome / C.W. Fornara. – Berkeley; Los Angeles; London : University of California Press, 1983. – 215 p.

Зинченко А. Л. Феномен международных отношений в поле зрения древнегреческой общественно-политической мысли

В статье анализируются мысли и суждения древнегреческих мыслителей и историков, затрагивающие природу и характер отношений между народами и государствами, прежде всего войны и мира, господства и подчинения, могущества и влияния, стойкости государства в условиях внешней угрозы.

Ключевые слова: международные отношения, война и мир, могущество и власть, влияние, господство и подчинение.

Zinchenko A. L. Phenomenon of international relations in ancient Greek public thought

The article analyzes contemplations and judgement of ancient Greek thinkers concerning the nature and character of relations between peoples and nations. These contemplations are mainly focused on war and peace, domination and submission, might and influence, state`s resistance to external threats.

Key words: international relations, war, peace, might, power, influence, supremacy (rule), domination, submission.

УДК 94(092)(437.1/2)“19”

Э. Г. Задорожнюк

ВАЦЛАВ ГАВЕЛ: ПРОВОЗВЕСТИК РЕВОЛЮЦИЙ НОВОГО ТИПА*

В статье характеризуются концепты Вацлава Гавела «власти безвластных» и «неполитической политики», а также формы его политической активности – ведущее участие в создании и функционировании Хартии 77 и Гражданского форума. В целом фигура Гавела репрезентует политика принципиально нового типа, еще не изученного в полной мере. Представлены полярные точки зрения на его диссидентскую деятельность и роль в формировании Хартии 77, выявлены черты уникальности Гавела-политика как провозвестника революций нового типа, прослежен его путь от диссидентства к президентству.

Ключевые слова: диссидентство, Хартия 77, «власть безвластных», «неполитическая политика», «режим нормализации», «бархатная» революция, социально-политические трансформации.

Центральная и Юго-Восточная Европа в конце XX века стала местом, где начались фундаментальные социально-политические трансформации, которые в начале третьего тысячелетия приобрели глобальный характер. И сегодня мало кто сомневается в подобии происходивших тогда революций как революциям «цветным», потрясающим по сей день постсоветское пространство, так и революциям в арабских странах, исход которых отличается большой неопределенностью.

Все эти революции – за рядом исключений (Румыния, Киргизия, Ливия) – носили и носят в основном ненасильственный характер. Один из главных их движителей – массовые демонстрации, а механизм реализации поставленных целей – переговорный процесс. В ходе данных революций и появились политические лидеры нового типа, в числе которых почетное место занимает Вацлав Гавел, отмечающий в 2011 году свое 75-летие. Именно Гавел ввел принципиально новые концепты «власти безвластных» и «неполитической политики» в то, что весьма условно можно назвать идеологией революций нового типа, как раз он ввел и образцы новой тактики, побуждающей власти соблюдать декларируемые в законах права и законы в рамках активности Хартии-77, а в ходе «бархатной» революции 1989 года принимал активное участие в мобилизации чехословацких антинормализационных сил на создание Гражданского форума – принципиально непартийной структуры, осуществивший переход от коммунистического режима к демократии.

Общее название для цепи этих коренных преобразований – революции с определениями [подробнее см.: 1; 2]. В настоящее время данный термин в чем-то теряет свою однозначность, тем более он нуждается в более тщательном рассмотрении. Так, социально-политические трансформации в Египте 2011 года именуется то «дынной», то «твиттерной» (от английского twitter – система мгновенной пересылки сообщений через Интернет), то «молодежной», то «финиковой», то «курортной» революциями и даже революцией «пирамид». В отличие от устоявшихся названий чехословацкой «бархатной» (с ее подвидом словацкой «нежной» революций) такая пестрота названий указывает на чрезмерную вариативность

* Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований секции истории ОИФН РАН «Исторический опыт социальных трансформаций и конфликтов».

критериев оценки происходящего в той или иной стране. То же можно говорить о «жасминной» революции в Тунисе, кровавых событиях в Ливии, межрелигиозных столкновениях в Бахрейне и т.д., и т.п. Лидеры всех этих революций не приобрели такой известности как Гавел, но образцы их идейных призывов и политических действий во многом похожи.

Исторически прослеженная траектория жизни В. Гавела, а также некоторые черты его политического портрета может многое прояснить и в современных событиях, и в характеристиках революционеров нового типа (не говоря о том, что без данной фигуры трудно понять историю Чехословакии, а также региона Центральной Европы в целом).

Путь провозвестника революций нового типа не был беспрепятственным; диссидентская, а затем государствообразующая деятельность В. Гавела, равно как и сама природа разработанных им концептов «власти безвластных» и «неполитической политики» демонстрируют это с достаточной полнотой. Более того, будущему президенту Чехословакии, а затем Чехии пришлось перенести нелегкие, а порой трагические личные испытания. Все это и является предметом рассмотрения в данной статье, где изложены вехи его политической биографии и жизненного пути, начиная с 1977 года, когда Гавел явился одним из организаторов Хартии 77 и одним из ее лидеров, и по 1989 год, когда он стал лидером своей страны.

Именно эти годы можно считать временем становления революционера нового типа, у которого и сегодня политики всего мира учатся тому, как надо сопрягать приверженность высоким и вечным моральным ценностям с предельно изменчивыми формами повседневной политической активности, когда приходится часто представлять политику неполитической, а власть делегировать безвластным. Еще в середине 1990-х годов нами отмечалось, что В. Гавел занял видное место в ряду лидеров такой политики, потому что сделал честность своей козырной картой [3].

Восприятие и оценивание его личности и политической деятельности до сих пор неоднозначно: не прекращается поток литературы в русле «агиографии», обрисовывающие Гавела как некоего светского святого; наиболее известна в этом плане книга его соратницы Э. Кришевой [4], к 75-летию поток такого рода публикаций усилился. На противоположном полюсе все еще выходят труды, где Гавел предстает всего лишь как искусный режиссер, а его искренность трактуется как кажущаяся (работа бывшего переводчика книг Гавела и его друга в диссидентский период английского журналиста Дж. Кина) [5].

Наиболее четко некоторые черты политического портрета Гавела на его пути к вершинам власти даны в трудах чешских исследователей Я. Бауэра [6] и Д. Кайзера [7], которым удалось избежать чрезмерных – и черных, и белых – красок в его обрисовке. Так, достоинством книги Д. Кайзера является, в частности, ее наполненность принципиально новым материалом из архивов службы безопасности Чехословакии, из интервью с В. Гавелом почти двадцать лет спустя революционных событий, многочисленных бесед с его соратниками и противниками (часто это были одни и те же люди, но в разное время). А главное – в книге прослеживается эволюция взглядов и жизненных позиций политика нового типа, выходца из среды творческой интеллигенции, борца за гражданские свободы и права человека, лидера нового рода революций. Такой подход позволяет легче понять и всю ту генерацию центральноевропейских политиков, которые целью своей активности, а порой и жизни, поставили задачу дистанцирования от России как якобы «евроазиатского зверя», навязавшего коммунистическую диктатуру их народам. Время таких политиков в полной мере еще не прошло, тем важнее, по слову Спинозы, не плакать, не смеяться, а попытаться понять, почему они стали таковыми.

Первым звездным часом Гавела-политика стало появление при его ведущем участии диссидентского движения Хартия 77. Социальное поле ее появления – мобилизация кругов интеллигенции на защиту андеграунда, в частности, музыкального, включая рок-группу The Plastic People of the Universe (PPU) – Пластиковый народ Вселенной – не единственной и далеко не лучшей в Праге. Тем не менее преследования PPU мобилизовали представителей интеллигенции как в Чехословакии, так и на Западе: арест членов группы вызвал широкие протесты, а возможность создания комитета по защите арестованных друзей, выстраивалась по образцам, уже опробованным русскими (советскими) диссидентами. В числе протестовавших были не только представители академических и художественных кругов, но и инженеры и даже рабочие. Внимание на них обратил известный западногерманский писатель Г. Бёлль, но главное – западные СМИ.

23 сентября 1976 года прошли встречи уже с участием экс-коммунистов и евангелических священников и др. в связи с судебным процессом над PPU, который мобилизовал противников чехословацкого «режима нормализации» на качественно новый вид протеста, не ангажированного идейно и не ориентированного политически, по крайней мере, по видимости. Экс-коммунисты не только примкнули к данной некоммунистической инициативе, но и проявили высокую активность в привлечении к Хартии новых членов, что в полуофициальной историографии движения почему-то забывается.

11 декабря началась цепь встреч противников «режима нормализации», на одном из которых П. Когоут предложил – по принципу того же англоязычного (точнее, латинского) названия Magna Charta Libertatum (Великая хартия вольностей) – оформить диссидентскую структуру – Хартию 77. Первыми ее «млвчими» – спикерами стали представители старшего поколения: философ Я. Паточка и бывший министр иностранных дел И. Гаек. Занимавший крайне левые позиции (близкие к троцкизму) П. Ул предложил в качестве спикера «от более молодых» – Гавела, причем не без сопротивления с его стороны. По словам того же Ула, это

Гавелу «не было совсем уж не по нутру. Будущий президент свою первоначальную нерешительность объяснял шуткой: “Мне всегда хотелось быть скорее делателем короля, чем королем”» [7, s.117].

В декабре обсуждалась техника сбора подписей, а в начале января 1977 года принята декларация Хартии 77, которая была переправлена в ФРГ дипломатической почтой; ее опубликовали практически все ведущие газеты Запада. Особое внимание проявили к ней еврокоммунисты. Предпринимавшиеся противниками режима шаги не могли не насторожить властные структуры. Полиция стала активнее следить за хартистами, а затем и преследовать их. 12 января газета «Руде право» опубликовала статью, обличавшую Хартию, а затем был нанесен удар по самому младшему из лидеров Хартии – Гавелу: его арестовали.

Все же подвергать репрессиям Гавела «режиму нормализации» пришлось с оглядкой на Запад. Ряд дипломатов отменяли визиты в страну, Чехословакия осуждалась за нарушение Хельсинкских соглашений, многие акции чехословацкого руководства, даже достаточно конструктивные, подверглись обструкции. А тем временем Гавел, мощно наращивавший контакты как внутри страны, так и связи с Западом, оказался в полной изоляции. Наступили дни тяжелейших испытаний.

Дело с Хартией Гавел излагал следственным органам как трагическое недоразумение. Впервые попавшего в тюрьму диссидента побуждали признать, что якобы у ее корней стояли «некоторые круги на Западе», окружившие Хартию непредвиденной публичностью исключительно для того, чтобы можно было бы из нее сформировать политическую оппозицию против режима. Гавел же убеждал, что «чехословацкие политические органы и средства массовой информации, к сожалению, подобную интерпретацию заимствовали и в этом духе развязали против Хартии 77, особенно против некоторых лиц, которые приняли в ней участие, масштабную политическую кампанию, в которой нас называли предателями, продажными душами, самозванцами и т.д.» [7, s.134].

Путь Гавела-хартиста нельзя назвать простым. Травма лета 1977 г., когда он «добровольно» сложил с себя полномочия спикера, тяжким бременем лежала на нем: следователь Свобода заставил его тогда быть морально несвободным. Гавел мог бы сказать, что интеллектуалу присущи слабости, мог эмигрировать или занять нишу «официального диссидента». Но он – к удивлению своих друзей и органов безопасности – на уступки не шел даже после такого рода поражений.

В целом Гавелу многое удалось утаивать, но приходилось и многое начинать сначала, преодолевая психологические травмы и взгляды исподлобья: говорили, что он-де потерял моральную бдительность, допускал ляпсусы и т.д. Но все же высшим судьей в этом деле являлся сам Гавел и у него нашлись средства оправдаться.

17 диссидентов в апреле 1978 г. организовали новую структуру – Комитет в защиту несправедливо осужденных, который действовал вместе с Хартией, но был организационно независимым. Гавел не уходил от внимания госбезопасности, а если учесть, что некоторые преследования принимали вид «несчастных случаев», ему приходилось быть крайне осторожным. Однако он постоянно находился в поле зрения не только органов госбезопасности, но и еврокоммунистов, которые все же поддерживали лишь некоторые инициативы Хартии, другие же ими замалчивались.

Гавел ответил на преследования новыми инициативами: подготовкой своих трудов с явно-скрытым политическим содержанием. Это в первую очередь касается эссе «Власть безвластных» (написано в конце октября 1978 г.), а также памфлетов. После того, как Гавел снова стал спикером, его начали преследовать интенсивнее, нанося порчу его автомобилю, запугивая его и пр. Иногда в связи с этим его одолевала депрессия.

29 мая 1979 года Гавела снова арестовали. Диссиденты стремились сделать так, чтобы его меньше обвиняли в политической активности, но его адвокат сотрудничал с полицией. Начавшийся 22 октября 1979 г. процесс он перенес тяжело. «Заключительное слово Гавела, – как пишет Д. Кайсер, – базировалось на его воспоминаниях о январе 1978 г., когда после задержания на вечере во дворце железнодорожников он попал в тюрьму и когда друзья основали Комитет по защите прав его и других задержанных “танцоров”. Хотя тогда он, мол, ничего такого не сделал, без вовлеченности Комитета и без заинтересованности мировой общественности его скорее всего не выпустили бы. “Вот, видите, господин Гавел, было принято справедливое решение”, прервал его судья Кашпар, слова которого сопровождалось смехом незнакомых штатских лиц среди публики» [7, s.165]. Тогда Гавел получил по приговору четыре с половиной года.

Находясь в заключении, Гавел получил приглашение к участию в премьере своей пьесы «Протест» в Нью-Йорке (его организовал чешский кинорежиссер-эмигрант М. Форман). Искушение эмиграцией было трудно преодолеть еще и потому, что она связывалась с возможным освобождением остальных участников процесса. Но Гавел считал эмиграцию дезертирством, да и другие участники процесса не стремились к ней. Впрочем, приглашение к эмиграции следовало трактовать и как некую провокацию: органы власти, вырвав согласие у Гавела, могли бы не выпустить, а попытаться сломить его, как это уже произошло во время его первого заключения. Но Гавел не сдался, а кроме того он справедливо полагал, что может просто затеряться в эмиграции, как это случилось со многими чехами; отказавшись же, он продемонстрирует высокий уровень непоказного патриотизма.

Властям не удалось разыграть еще одну карту: продажность Гавела. Драматург имел в своем распоряжении по меньшей мере двадцать тысяч крон ежемесячно. Эти средства тратились не столько на себя, сколько шли на помощь другим, счет шел на четверть миллиона крон [7, s.188]. Много средств

требовалось на издание трудов и бюллетеней. Полиции не удавалось выявить денежных поступлений ни от западных спецслужб, ни от эмигрантских центров. Поэтому полиция карту диссидента-богача не разыгрывала, не предвидя от этого пропагандистского эффекта.

Трудовые обязанности и наказания за их неисполнение служили средством психического давления на Гавела, но сломить его оказалось невозможно. Уголовники его не пресинговали, да этого не допустили бы и власти. Запад же постоянно следил за одним из наиболее известных узников. После того, как он провел в тюрьме два года, его начала одолевать огромная усталость. Особенно досаждала Гавелу тревога за брата Ивана и жену Ольгу – давление на них отозвалось болезнью узника. Визит Г. Гусака в Вену в 1983 году связывался со смягчением их участи, а для Гавела возникла возможность подать прошение о помиловании. Одни из диссидентов говорили, что это надо сделать, другие – что нет.

С начала 1983 г. у Гавела уже в который раз диагностировали воспаление легких, но в этот раз болезнь проходила намного драматичнее, чем когда-либо ранее. У него поднялась высокая температура и 28 января его снова вынуждены были перевезти в тюремную больницу в Праге. Болезнь послужила импульсом в борьбе за его освобождение, и в апреле 1983 г. он оказался на свободе. Многие не предполагали, что этот выходец из буржуазной среды сможет перенести тяготы заключения, он и сам удивлялся, как ему это удалось. Его ждала Хартия, которая в это время переживала еще один кризис.

В его ходе данное движение сохраняло свой потенциал благодаря экс-коммунистам, которых поддерживали еврокоммунисты и социал-демократы. Так, Социалистический интернационал еще до выхода Гавела из тюремного заключения пригласил Хартию участвовать в заседании своего Конгресса в Португалии; приглашение рассматривалось одним из первых спикеров Хартии И. Гаеком как свидетельство возможности сосуществования социализма и демократии [8, s.498].

Убежденные в том, что больной Гавел умирает в тюрьме, спикеры Хартии собрались даже писать некролог, но легендарный диссидент неожиданно оказался на свободе, что многими хартистами расценивалось как подарок судьбы. Действительно, уже одно присутствие Гавела в Праге автоматически гарантировало Хартии большее внимание к ней со стороны западных журналистов.

Тем временем в 1985 году важным фактором для судеб Хартии стал приход к власти в СССР М.С. Горбачева. Активность Гавела существенно не повысилась, но и государство преследовало его меньше. 1986-1987 годы были относительно спокойными, а в 1988 г. для Гавела открылись новые возможности в постановке его пьес, что трактовалось как шаг к либерализации. В этом же году открывалась и перспектива новой революции. Так, 21 августа 1988 г., в двадцатилетнюю годовщину вторжения войск стран Варшавского договора в Чехословакию, в Праге разразилась первая действительно массовая демонстрация. Независимо друг от друга ее создало младшее оппозиционное поколение, более радикальное по сравнению с хартистами, экс-коммунисты, а также христиански ориентированные течения. Наступали новые времена, когда «неполитическая политика» не только выявляла, но и демонстрировала свою политическую мощь; росла потребность и в общественных лидерах нового типа.

Гавел стал гораздо более радикальным, вопреки своему семейному окружению и собственным привычкам, начал по-своему набирать авторитет, который имелся, скажем, у католического рабочего Л. Валенсы. С опорой на такой авторитет и был завоеван президентский пост уже в конце 1989 года – времени его второго звездного часа в политике.

В самом его начале Гавел повысил уровень своей политической активности – и в очередной раз был привлечен к суду. 21 февраля его приговорили к девятимесячному наказанию за подстрекательство. А уже 23 февраля в «Руде право» вышла статья «Кто есть Вацлав Гавел»? Выходец из буржуазной среды, борющийся на западные податки с социализмом – таков был ответ. Но этот «выстрел» не стал убийственным: ситуация кардинально менялась. В защиту Гавела выступили широкие культурные круги. Суд над ним вылился в демонстрации, а поднятая СМИ волна протестов привела к тому, что 17 мая его освободили.

Прежде чем перейти к периоду, когда «неполитическая политика» Гавела выступила в качестве лучшей политики для решения задач организации революции и смены власти, следует привести два метких наблюдения Кайсера о том, что Гавел знал о «безвластных» и «властных».

Сначала о первых: «Жизнь в гусаковской Чехословакии он познал лишь с экстремальных точек зрения. Независимо от того – жил ли он в роскоши или в заключении. Обычных людей при этом он однозначно не избегал. Тридцать – сорок раз ежегодно он ездил на машине по трассе Прага – Градечек и, как правило, подвозил голосовавших. Он встречал сотни людей, но все они преимущественно были в чем-то нетипичными: или непосредственно принадлежали к диссидентству, или, по крайней мере, имели храбрость с ним встречаться, рискуя привлечь внимание полиции. О жизни типичного гражданина Вацлав Гавел не имел аутентичного представления и, собственно, у него такой возможности и не имелось. Поразительно, что человеку со столь исключительным жизненным опытом уже вскоре предстояло стать любимцем народа» [7, s.200-201].

Теперь о жизни вторых: «Вацлаву Гавелу не хватало конфиденциальной информации из центра власти, замыслы которой ему плохо удавалось разгадать. Настолько плохо, что он даже предполагал совершенно противоположное тому, над чем власть предрержащие напряженно работали. Он полагал, что нарастающее в обществе беспокойство режим мог бы решить с помощью насилия – и в оппозиции с подобным негативным представлением он, безусловно, не был одинок. О том, что эти опасения не были фальшивыми, существуют прямые и косвенные доказательства» [7, s.202].

Само имя Гавела мобилизовывало на демонстрации, и он был готов стать их участником, хотя и опасался насильственной смерти. Он знал, что волна его несет сама и даже лозунг «Гавел на Град» не казался ему необычным. Более того, поскольку он впервые прозвучал, правда, крайне приглушенно, еще в 1968 году, то прошедшее двадцатилетие виделось в ретроспективе как некое самоосуществляющееся пророчество.

Хартия 77 уже не являлась монополистом в чехословацком антинормализационном движении, но это не останавливало Гавела в притязаниях на лидерство. Действительно, он был обречен к вбросу в политику, но хотел сделать это – по крайней мере перед лицом общества – как бы нехотя. Кроме того он стремился видеть за собой уже не только Хартию, но и массовую силу, что и демонстрировал в участившихся контактах с западными политиками.

Все встречи в предноябрьский период выстраивались Гавелом с предосторожностями, а планировавшаяся переговорная (с возможностью польского сценария развития событий через проведение круглых столов) встреча с реформистски настроенным премьер-министром Л. Адамецем так и не состоялась. В то же время Гавел разработал концепцию протестной демонстрации на 10 декабря 1989 г. – но что будет происходить после нее ему трудно было предугадать.

События 17 ноября 1989 г., ведущее участие в которых приняли не столько хартисты, сколько лидеры студенческих протестных движений, изменили ситуацию радикально, и Гавел приехал в Прагу, чтобы скорее продолжать, чем начинать [подробнее см.: 9-12]. Ему следовало держать под контролем активность и Хартии, и многих ее конкурентов в противостоянии властям, которые не очень опасались хартистов, концентрируя внимание скорее на вновь возникших организациях, уже практически открыто выступавших с антирежимными политическими требованиями. Гавел оставался идейным лидером, но этого оказывалось недостаточно: востребованными оказались действия. Их сценарий писали исключительно диссиденты, и в первую очередь именно он, даже с учетом того, что на улицу вышли представители не только этой части спектра антинормализационных сил.

Появился Гражданский форум (ГФ) – непартийное общественное движение, в котором лидирующие позиции занял Гавел и его единомышленники. Главное достижение Гавела-политика в это время – акцент на ненасильственных действиях и в то же время активное противостояние тогдашним властным. Именно тогда начались контакты с Л. Адамецем, реформистски настроенным премьер-министром, но уже на новых условиях.

Гавел выступал в ходе митингов и демонстраций в качестве центра общенационального притяжения на фоне агонии режима. С 27 ноября он выступал с инициативой вызвать Г. Гусака, чтобы тот отказался от поста президента, что фактически означало его первый шаг к этому посту. 5 декабря кандидатуру Гавела на президентский пост выдвинули полуофициально, после чего развернулась борьба ГФ за контроль над Федеральным собранием – чехословацким парламентом.

Гавелу надо было представить себя более убедительно в качестве безальтернативного кандидата, за что и взялся его соратник П. Питгарт – с этого времени телевидение стало главным ресурсом в борьбе за президентство. Однако главным помощником выступил М. Чалфа, коммунист и председатель Федерального собрания. Гавел понимал, в каком образе нуждалось тогда обществу, поэтому и его акцент на «безвластность» и «неполитическую политику» становился существенной характеристикой политического лидера нового типа.

В декабре 1989 г. ситуация развивалась стремительно и никто не мог спрогнозировать, что произойдет через месяц, а тем более через полгода – когда планировалось проведение очередных парламентских выборов. Однако уже в январе 1990 г. – через месяц после прихода на Град – Гавел в доверительном кругу рассуждал о том, как он правил бы и после июньских выборов. Перед выборами президента парламентом Гавел научился действовать так, как целеустремленный политик и должен действовать, не гнушаясь ни психологическим прессингом, ни даже угрозой применения силы. Но это его истинное «я» резко контрастировало с показным смирением, которое он демонстрировал публике, жалуясь – подобно герою греческой трагедии – на судьбу, которая от него требует жертв для общественного блага.

Представления такого рода устраивались для того, чтобы Гавел мог удерживать ореол исключительного человека, случайно пришедшего в политику от письменного стола. Об этом писала Крисеова, соратница Гавела, возглавившая затем один из отделов в правительстве, в получившей широкое распространение и прочитанной в рукописи Гавелом его биографии. Путь к президентству представал в ее изложении неотвратимым, как шествие светлого святого.

Кин же, со своей стороны, видел эту неотвратимость в неутомимости М. Чалфы, который «в ходе встреч за бокалом вина или обедом, лоббирования и чтения лекций, приставаний и угроз стремился убедить отдельных парламентариев и их группы не допускать любых нежелательных инициатив в парламенте» [5, р.372]. Единодушное – как в совсем недавние нормализаторские времена – голосование продемонстрировало результативность такого рода политики, по всей видимости, одобренной и Гавелом.

После президентской кампании Гавел стал совершенно другим: если в 1978 г., провозглашая «власть безвластных», он трансформировался из скептика в утописта, то в 1989 г. превращался из «неполитического политика» в реалполитика. Однако и эту трансформацию он проделал не до конца, в чем-то оставаясь и скептиком, и утопистом, из-за чего в будущем сохранялся его политический авторитет, но проявлялись и разного рода недоразумения.

Парламентское голосование 29 декабря 1989 г. можно считать неплохо срежиссированным спектаклем: Гавел «оседлал» антикоммунистическую волну, чтобы путем политических манипуляций вытеснить коммунистов из власти [подробнее см.: 13; 14]. После восхождения на Град участились сравнения Гавела с первым президентом Чехословакии Т.Г. Масариком: тот и другой – философы на троне. Но созданная первым Хартия вряд ли может претендовать на звание единственного гробовщика реального социализма: он рухнул скорее от падения цен на нефть, звездных войн и поражения СССР в Афганистане – и рухнул бы, как позже в Болгарии, где не нашлось ни одного крупного диссидента (хотя свой философ – профессиональный – на трон все же отыскался: Ж. Желев; в России было еще парадоксальнее: философом, близким к трону, стал экс-преподаватель научного коммунизма).

Как уже говорилось, появление Хартии 77 стало первым из звездных часов для Гавела, а занятие им поста президента вторым. Его во многом индивидуалистические установки драматурга-абсурдиста преодолевались в ходе совместных политических действий по созданию и поддержанию одной из наиболее перспективных диссидентских структур. Кроме того Хартия создавала новые виды политического лидерства с опорой на «неполитическую политику» и «власть безвластных». Соответствующие концепты Гавела не появились на свет «из ничего»: они выводились из анализа движения М. Ганди в Индии и Мартина Лютера Кинга в США, молодежных движений конца 1960-х годов и даже традиции противостояния имперской политике в Австро-Венгрии предшествующего века. Преследуемая постоянно Хартия 77, будучи не особенно мощной структурой, сумела привлечь к себе внимание как зародыш политики нового типа. Заслуги Гавела как ее лидера и провозвестника ненасильственных революций при этом нельзя ни преувеличивать, ни преуменьшать, особенно в то время когда они все интенсивнее проявляются в самых разных частях земного шара.

Источники и литература

1. Задорожнюк Э.Г. Роль нарративов в интерпретации «революций с определениями» / Э.Г. Задорожнюк // Наукові праці історичного факультету Запорізького національного університету. – Вип. XXIX. – Запоріжжя, 2010. – С.340-345.
2. Задорожнюк Э.Г. Современные политические трансформации: славянский мир как зачинатель ненасильственных революций и их нарративы / Э.Г. Задорожнюк // Славянский мир в третьем тысячелетии. Межкультурный и межконфессиональный диалог славянских народов. – М., 2011. – С.7-17.
3. Задорожнюк Э.Г. Драматургия президентства. К политическому портрету Вацлава Гавела / Э.Г. Задорожнюк // Кентавр. – 1995. – №5.
4. Kriseová E. Václav Havel. Životopis / E. Kriseová. – Praha, 1991.
5. Keane J. Václav Havel. A Political Tragedy in Six Acts / J. Keane. – London, 2000.
6. Bauer J. Václav Havel. Necenzurovaný životopis / J. Bauer. – Praha, 2002.
7. Kaiser D. Disident. Václav Havel 1936-1989 / D. Kaiser. – Praha-Litomyšl, 2009.
8. Charta 77: Dokumenty 1977-1989. D. 1. 1977-1983. Eds. B. Cisařovská, V. Prečan. – Praha, 2007.
9. Studenti psali revoluci. Eds. Benda M. a kol. – Praha, 1990.
10. Otáhal M. Studenti a komunistická moc v českých zemích. 1968-1989 / M. Otáhal. – Praha, 2003.
11. Suk J. Labyrintem revoluce. Aktéři, zápletky a křižovatky jedné politické krize (od listopadu 1989 do června 1990) / J. Suk. – Praha, 2003.
12. Чехия и Словакия в XX веке. Очерки истории. – М., 2005. – С.263-331.
13. Suk J. K prosazení kandidatury Václava Havla na úřad prezidenta v prosinci 1989: Dokumenty a svědectví / J. Suk // Soudobé dějiny. – 1999. – №2-3.
14. Задорожнюк Э.Г. Политический портрет президента-драматурга Вацлава Гавела / Э.Г. Задорожнюк // Политические лидеры и стратегии реформ в Восточной Европе. – М., 2003. – С.142-145.

Задорожнюк Е. Г. Вацлав Гавел: провісник революцій нового типу

У статті охарактеризовано концепти Вацлава Гавела «влади безвладних» та «неполітичної політики», а також форми його політичної активності – провідна участь у створенні та функціонуванні Хартії 77 та Громадянського форуму. У цілому, фігура Гавела репрезентує політика принципово нового типу, ще не дослідженого повною мірою. Наведено полярні точки зору на його дисидентську діяльність та роль у формуванні Хартії 77, виявлено риси унікальності Гавела-політика як провісника революцій нового типу, простежено його шлях від дисидентства до президентства.

Ключові слова: дисидентство, Хартія 77, «влада безвладних», «неполітична політика», «режим нормалізації», «оксамитова революція», соціально-політичні трансформації.

Zadorozhniuk E.G. Vaclav Havel: harbinger of a new type of revolutions

Vaclav Havel's concepts of «power of powerless» and «non-political politics», and also forms of his political activities – the leading part in the establishment and functioning of Charter 77 and Civic Forum are characterized in the article. In general, Havel's figure represents a fundamentally new type of politics, not yet fully explored. Polar views of his dissident activities and role in formation of the Charter 77 are given, unique features of the Havel-politics as a revolutionary new type of messenger are found, his way from the dissident to the presidency is traced.

Key words: dissident, Charter 77, «powerless power», «non-political politics», «normalization regime», «velvet revolution», social and political transformations.